СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Оригинальная статья
УДК 316.344
JEL J08
https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_8_274_286
EDN SXDPZY

Трансформация идей и смысла труда: от культа труда к культу потребления (опыт историко-социологического анализа). Часть I

Жан Терентьевич Тощенко[1,2]

[1]Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
(zhantosch@mail.ru), (http://orcid.org/0000-0002-7729-3660)

[2]Институт социологии – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия

Аннотация
В первой части статьи раскрывается исторический аспект появления понятий «работа», «труд» для понимания их смысла на раз-личных этапах развития человечества. Основное внимание уделено трансформации состояния и общественного признания роли труда в СССР/России в XX веке. Показывается, как формировалось принципиально новое отношение к труду людей, непосредс-твенно вовлеченных в процесс его осуществления как в период создания и формирования нового социалистического общества, так и во время функционирования мобилизационной экономики, а затем в годы испытаний – в период Великой Отечественной вой-ны. Определяется роль государства в изменении отношения к труду, что нашло отражение в его экономической и социальной по-литике. В статье показываются пути решения стратегически важной задачи – становление и формирование культа труда, который постепенно сложился в Советском Союзе. Описывается и объясняется процесс его формирования, обогащения и превращения в действенную силу по строительству и преобразованию нового типа общественного устройства – социалистического общества. Рассматриваются как позитивные, так и проблемные ситуации в отношении к труду различных социально-классовых групп, а также пути решения возникающих противоречий. Особое внимание уделено анализу новых форм организации труда в соответствии с потребностями каждого этапа в развитии советского общества, раскрываются формы и методы побуждения работников к произво-дительному труду, поиски творческих способностей и их реализации, а также способы преодоления противоречий, возникающих в процессе достижения цели создания индустриальной державы, которая была создана к 1941 г., когда началась Великая Отечест-венная война и потребовалась перестройка многих аспектов жизни общества, в том числе и в сфере труда.
Во второй части статьи будет проанализировано отношение к труду в Советском Союзе во второй половине XX века и в условиях новой России в XXI веке.

Ключевые слова: СССР, Россия, труд, культура, экономика, занятость, рабочий класс, крестьянство, интеллигенция

Благодарности: работа выполнена при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-18-00093.

Для цитирования: *Тощенко Ж.Т.* Трансформация идей и смысла труда: от культа труда к культу потребления (опыт историко-социологического анализа). Часть I // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 2. С. 274–286.
https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_8_274_286 EDN SXDPZY

RAR (Research Article Report)
JEL J08
https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_8_274_286

Transformation of Ideas and Meaning of Labor: from the Cult of Labor to the Cult of Consumption (an Experience of Historical and Sociological Analysis). Part I

Zhan T. Toshchenko[1,2]
[1]The Russian State University for Humanities, Moscow, Russia
(zhantosch@mail.ru), (http://orcid.org/0000-0002-7729-3660)
[2]Institute of Sociology - Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract
The article reveals the historical aspect of the emergence of the concepts of "work", "labor" for understanding their meaning at various stages of human development. The main attention is paid to the transformation of the state and public recognition of the role of labor in the USSR / Russia in the twentieth century. It is shown how a fundamentally new attitude to labor of people directly involved in the process of its implementation was formed both during the period of creation and formation of a new socialist society, and during the functioning of the mobilization economy, and then in the years of trials – during the Great Patriotic War. The role of the state in changing the attitude to labor is determined, which was reflected in its economic and social policy. The article shows the ways of solving a strategically important task - the formation and formation of the cult of labor, which gradually developed in the Soviet Union. The process of its formation, enrichment and transformation into an effective force for the construction and transformation of a new type of social structure – a socialist society is described and explained. Both positive and problematic situations in the attitude to labor of various social and class groups, as well as ways of resolving emerging contradictions are considered. Particular attention is paid to the analysis of new forms of labor organization in

accordance with the needs of each stage in the development of Soviet society, the forms and methods of motivating workers to productive work, the search for creative abilities and their implementation, as well as ways to overcome the contradictions that arise in the process of achieving the goal of creating an industrial power, which was created by 1941, when the Great Patriotic War began and it was necessary to restructure many aspects of the life of society and people, including in the labor sphere.

Keywords: USSR, Russia, labor, culture, economy, employment, working class, peasantry, intelligentsia

Acknowledgements: the work was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 23-18-00093.

For citation: Toshchenko Z.T. Transformation of Ideas and Meaning of Labor: from the Cult of Labor to the Cult of Consumption (an Experience of Historical and Sociological Analysis). Part I. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia.* 2025;21(2):274–286. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_8_274_286 (In Russ.)

Введение

В первой части статьи рассматривается исторический аспект появления понятий «работа», «труд». Труд всегда выступал одной из важнейших характеристик общественного развития, начиная с древнейших времен. До сих пор актуально утверждение Ф. Энгельса (правда эта мысль высказывалась не только им одним), что труд является первым и необходимым условием всей жизни человека и что труд создал человека [1, с. 486]. В соответствии с этой установкой рассматривается процесс его реализации в социально-экономической политике Советского Союза с момента его появления на исторической арене до анализа роли труда в Великой Отечественной войне.

Вместе с тем, процесс осмысления значения и отношения к труду существенно изменялся как на различных этапах истории человечества, так в историческом развитии советской страны. Но тем не менее его сущностью было и остается, что труд – это целесообразная деятельность, направленная на создание материальных и духовных ценностей.

С этой целью теоретической и методологической основой историко-социологического исследования этого феномена стало использование таких индикаторов, как субъект труда, его содержание и характер, условия, средства и способы его воплощения в жизни, учёт влияния государственной политики на трудовую деятельность.

Краткий исторический экскурс

Такое понятие как труд возникло не сразу. Согласно установившемуся признанию на первых этапах развития в первобытном обществе все, что было связано с поддержанием жизни, начиная с собирательства, охоты, скотоводства, а затем земледелия, функции материального обеспечения жизни, стихийно распределялись между всеми членами рода (племени) согласно имеющихся у людей способностей и возможностей.

В появившемся классовом обществе основные трудовые повинности, особенно тяжёлые, непривлекательные, стали нести рабы, хотя наряду с ними простую и необходимую работу в Древней Греции и Древнем Риме выполняли и свободные люди. И те и другие были включены во все виды производственной деятельности по изготовлению изделий общественного и личного предназначения, по переработке сельскохозяйственного сырья и других работ, обеспечивающих повседневную жизнь. Занятость именовались по той работе, которую выполняли: хлебопеки, мясники, гончары, кузнецы, ткачи, шерстобиты, сапожники, каменщики, земледельцы, торговцы и уборщики.

Во многих источниках подчёркивается низкая оценка этих форм занятости в Древней Греции, хотя и признают их необходимость. По мнению Ксенофонта (430–355 до н.э.), «так называемые ремёсла, связанные с физическим трудом, дискредитированы и, по логике, имеют очень дурную репутацию в наших городах, поскольку они вредят здоровью рабочих и чиновников, вынуждая их сидеть и проводить весь день в тени, а некоторых даже постоянно находиться у огня» [2].

Нечто подобное было и в Древнем Риме. Первоначально в Риме ремеслом занимались плебеи среднего достатка. С ростом рабовладения дешевый рабский труд постепенно начал вытеснять труд свободного производителя. Рабам обычно поручалась самая тяжёлая работа. Хозяева нередко называли рабов «говорящими орудиями труда» (подробнее см. [3]).

Вместе с тем, отметим, что остальные виды занятости в Древней Греции и Древнем Риме – участие в управлении, воинская служба, художественное творчество именовались по-другому, назывались занятостью и относились к ним с признанием их важности и значимости.

Иначе говоря, принудительному труду подвергались в основном рабы. Отсюда понятно то, что он стал именоваться словом «работа», которая происходит от слова «раб». Работа как примитивный или несложный вид труда включала

в себя самые различные варианты деятельности, выполняемых не всегда по личному выбору или личной склонности, а чаще всего вынужденно, принудительно.

В Древней Руси основные производственные функции были также связаны с самыми необходимыми видами занятости, которые выполняли приписанные к княжескому и/или боярскому, позднее дворянскому владению обеспечивающие их жизнь люди: землепашцы, косари, сапожники (лапотники), кузнецы, бондари, шорники, валяльщики и другие. Широко было распространено самообеспечение, когда человек выполнял все необходимые для повседневной жизни функции, в которых сочетались самые разнообразные способности и умения [4].

Но постепенное развитие производства привело к тому, что труд и его навыки имели устойчивую тенденцию к своему усложнению и обогащению. Со временем выявилась потребность в той группе работников, численность которой увеличивалась в связи с появлением новых ремесел, которые сосредотачивались в городах и городских поселениях. Занятость во всё большей мере усложнялась, что постепенно привело к появлению и распространению слова «ремесленник». Этим термином стали обозначать лиц (мастеров, подмастерьев), которые обладали определёнными профессиональными навыками (ремеслом) и производили на продажу и/или на заказ изделия своей работы – конечные продукты труда, созданные кустарным способом с применением собственных средств производства. Постепенно они стали объединяться в гильдии, цеха – прообразы будущих капиталистических производств [5].

Собственно слово труд (англ. labour; нем. Arbeit) стал обозначать не просто работу, а такую целесообразную деятельность, которая отражала определённый уровень квалификации и подготовки в условиях крупного капиталистического производства, в процессе которого человек при помощи орудий и механизмов с применением специальных знаний воздействовал на природу и использовал её в целях создания предметов и товаров, необходимых для удовлетворения потребностей общества. Для обоснования принципиально иного подхода к трудовой деятельности английский экономист А. Смит (1723–1790) в своем основном труде «Богатство народов» раскритиковал меркантилизм и сформулировал концепцию производительного труда как источника богатства наций. Основным способом повысить производительность труда и, как следствие, увеличить богатство Смит считал разделение труда и специализацию при выпуске продукции, что вело к дифференциации некогда единой работы и появлению частичного работника, обладающего навыками и умениями по одному или ограниченным видам деятельности (подробнее см. [6; 7]).

Иначе говоря, в условиях растущего капиталистического производства многие бывшие виды работ приобрели новый смысл, который отражал изменение роли и значения работника, объективную потребность признания дифференциации труда в связи со всё усложняющимися его функциями. Т. е., реальная жизнь потребовала специальных знаний, сложность которых по-разному проявлялась в стремительно увеличивающемся росте новых профессий, который приобрел огромные масштабы, начиная с первой промышленной революции (конец XVIII – середина XIX вв.).

Но эти изменения, хотя и кардинальные, не отменяли сути этих новых форм занятости и новых профессий – человек был подневолен, он продавал свою рабочую силу для сохранения и продолжения свой жизни и своей семьи. Этот в известной степени веками устоявшийся традиционный подход к труду как навязанной обязанности, поддерживался и религиозными догмами о труде как наказании божьем вплоть до XX века. Иначе говоря, по своей сущности труд (хотя и дифференцированный, усложнившийся) оставался работой в прежнем звучании как подневольный, вынужденный, хотя с изменившимися функциями.

Именно это состояние труда было использовано в социалистических учениях и прежде всего в марксизме, который исходил из того, что те, кто созидает богатство общества, должны управлять им, а не некие социально-экономические институции, которые находились в руках сравнительно незначительной части населения, но которые диктовали правила и нормы поведения большинству работающих людей. Образно говоря, прежние эксплуататорские группы в виде монархов различного рода и их приближенных и обслуживающих, воинской знати и других причастных к политической и экономической власти были замещены аналогичными структурами и лицами, которые стали именоваться по-другому, но наследовавшие и присвоившие функции жить за счёт работающего населения.

В течение XIX и начале XX века марксистская мысль готовила почву, постоянно обосновывая идею о том, что управление миром, государствами должны осуществлять те, кто непосредственно производит блага, а их деятельность должна стать первостепенной ценностью (подробнее см. [8]). Однако это положение марксизма, что власть должна принадлежать народу, тем, кто непосредс-

твенно работает, стало руководством к действию только после победы Октябрьской революции в России в 1917 г.

Становление культа труда в годы первых пятилеток

После прихода к власти большевики исходили из марксистского определения значения труда. «Труд – вечное естественное условие человеческой жизни, и потому он не зависит от какой бы то ни было формы этой жизни, напротив, является одинаково общим для всех её общественных форм» [9, с. 188].

Этот поворот в отношении труда миллионов был заложен сразу же в практических действиях с первых дней существования советской власти. Уже в 2 часа ночи 26 октября был принят «*Декрет о земле*», который привлёк крестьянство на сторону Советской власти, так как она не смогла бы упрочиться без решения одного из коренных вопросов революции – вопроса о земле. При работе над «Декретом о земле» был использован эсеровский наказ о «социализации земли», составленный на основании 242 местных крестьянских наказов, и целиком включил его раздел «О земле». Наказ предусматривал осуществление основного требования – национализации (а не социализации как у эсеров) земли, что поручалось осуществить волостным и уездным Советам крестьянских депутатов, т. е. передачей всех властных полномочий тем, кто трудится на земле. Труд крестьянина провозглашался основополагающей ценностью и высшим благом для существования общества [10].

Что касается рабочих, то передача им функций руководства производством была зафиксирована в одном из первых декретов – «Вся власть Советам». Несколько позже в решении Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, в Положении «О рабочем контроле» от 14 (27) ноября 1917 года был предложен механизм реализации этого лозунга — он легализовал создание фабричных и заводских комитетов. В нём провозглашалось: «В интересах планомерного регулирования народного хозяйства во всех промышленных, торговых, банковых, сельскохозяйственных, транспортных, кооперативных, производительных товариществах и пр. предприятиях, имеющих наёмных рабочих или же дающих работу на дом, вводится рабочий контроль над производством, куплей, продажей продуктов и сырых материалов, хранением их, а также над финансовой стороной предприятия» [10].

Эти декреты освободили созидательные силы народа. Началась кропотливая, хотя и сопровождающаяся многими ошибками и просчётами отладка механизма управления промышленным и сельскохозяйственным производством, в процессе которой постепенно начало формироваться новое, по сути, социалистическое, отношение к труду, внедрение в сознание людей возможности эффективного сочетания общественных и личных интересов. Эти ростки нового отношения к труду приобрели и объективную основу, так как стал реализовываться принцип «От каждого по его способностям, каждому – по его труду», сущность которого состоит в том, что каждый участник экономических отношений получает материальные блага в соответствии с его вкладом в совокупный общественный продукт. Эта фраза приписывается французскому социалисту Анри Сен-Симону и впервые была опубликована в книге С.-А. Базара «Изложение учения Сен-Симона» (1829-1830). Однако это выражение получило широкое распространение благодаря французскому анархисту и экономисту Пьеру-Жозефу Прудону, который широко использовал её в своих сочинениях. Этот принцип в полной мере стал воплощаться в жизнь после окончания гражданской войны в связи с переходом к мирному строительству, но особенно актуальным он стал после того, когда к 1930 г. была ликвидирована безработица.

С началом осуществления политики индустриализации, первого пятилетнего плана были внесены кардинальные изменения по отношению к труду – он приобрел огромное идейно-нравственное значение, когда *труд был определён как «дело чести, славы, доблести и геройства»*. Этот лозунг прозвучал в политическом отчёте Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б) 27 июня 1930 года [11] и стал на долгие годы не только официальным определением, но и мощным идеологическим средством по формированию сознательного и ответственного отношения к труду.

Труд тех, кто создавал общественные ценности для существования страны, становился первоочередным измерением их места и роли в решении экономических, социальных и культурных задач. Власть была нацелена на постепенное внедрение в сознание рабочих и крестьян чувства хозяина, ответственного за состояние дел там, где они работают и живут.

Говоря об этом феномене, особо подчеркнём, что это отношение к труду постепенно становилось ЛИЧНЫМ достоянием сознания и поведения многих работников производства. Он олицетворял, с одной стороны, тот факт, что такая оценка труда базировалась на исторических традициях, корни которых опирались на народное признание важности трудовой деятельности человека и характеристики качества его всей жизни, окон-

чательно хороня прежнее отношение к труду как навязанному извне или как к наказанию божьему.

С другой стороны, эта официальная позиция по отношению к труду находила доброжелательный отклик среди миллионов строителей новых городов, предприятий, которые прибывали из сельской местности, осваивали новые профессии, стремились к более квалифицированной работе, и соответственно, к более высокому уровню жизни, возможности получить образование и приобщиться к культурным ценностям.

Для формирования и воспитания новых качеств трудового поведения использовалось несколько средств. Наряду с требованиями об обязательном выполнении производственных заданий начали активно пропагандироваться и поддерживаться различные *формы самоорганизации* по выполнению и перевыполнению планов и достижению высоких трудовых показателей. Многие работники искренне желали, одобряли и усваивали новые нормы по отношению к труду, что ярко проявило себя в таком явлении как *ударничество*, которое олицетворяли работники, демонстрирующие повышенную производительность труда, труд с полным напряжением интеллектуальных и физических сил, ориентированных на превышение установленных норм и сроков, снижением себестоимости продукции, соблюдением высоких (ударных) темпов в труде. Эти трудовые усилия и достижения поощрялись, хотя виды стимулирования труда (если исходить из нынешних мерок) были примитивными, но действенными: в условиях дефицита товаров ударники и передовики награждались ботинками, отрезами на платье и другими нужными в повседневной жизни и домашнем хозяйстве вещами (отметим, что эти способы были более эффективными в тех условиях, чем многие средства поощрения в современной экономике).

Ударничество в годы первых пятилеток стало представлять собой одну из форм социалистического соревнования и приобрело широкое распространение, охватив миллионы работников. Первоначально это достигалось путём интенсификации труда, внедрения простейших элементов научной организации труда. Ударники были застрельщиками коренных изменений в организации труда, что привело к невиданным и незнаемым историей темпам развития народного хозяйства – за все три довоенные пятилетки было введено в строй около 3 тыс. предприятий, т. е. в среднем по одному предприятию в день. Именно в эти годы был создана индустриальная база для выхода СССР на ведущее место в мировом промышленном производстве. Именно в эти годы было освоено массовое производство продукции и изделий, которые Россия никогда ранее не производила: самолеты, паровозы, автомобили, трактора, комбайны, турбины, дизели, станки и др., не говоря об исходной базе – высококачественных чугуне и стали, синтетическом каучуке, шарикоподшипниках и пр.

В 1930-е годы в процессе реализации первых пятилеток были построены такие промышленные объекты, как тракторные заводы в Челябинске, Сталинграде и Харькове, автомобильный завод в Москве (ЗИС) и Нижнем Новгороде, «Уралмашзавод», «Уралэлектротяжмаш», ДнепроГЭС, инструментальный и шарикоподшипниковый заводы – в Свердловске; «Уралвагонзавод» и Нижнетагильский металлургический комбинат; Кузнецкий металлургический комбинат, железная дорога Турксиб и др. (подробнее см. [12]).

Вместе с тем политика по изменению отношения к труду и воспитанию качеств сознательного работника не была однозначной и прямолинейной, так как люди, реализующие *производственные* задания, придерживались и исповедовали различные жизненные установки. В этой связи интересны заметки И. Эренбурга о реальных тружениках, которые строили в Заполярье первую в мире электростанцию за полярным кругом Нивскую ГЭС-2 (в 1934 г. 30 июня она дала ток). Он отмечал, что работали люди с самыми разными намерениями, но объединённые одной целью, в которую они верили. «Их называли “ударниками”. Одни из них надрывались, чтобы получить леденцы к чаю или отрез на штаны. Других подгоняло честолюбие: они не хотели остаться позади. Третьи работали так, как обычно играют в железку: это был свой, строительный азарт. Четвёртые мечтали выйти в люди: стать обер-мастером, попасть на курсы в Свердловск, променять кирку или кувалду на портфель красного директора. Пятые боготворили завод. Машины для них были живыми. Они звали домну “Домной Ивановной”. Они звали мартеновскую печь “дядей Мартыном”. Шестые верили, что стоит достроить этот завод, как людям сразу станет легче: будут рельсы, а по рельсам понесутся сахар, чай, сукно и сапоги. Ударников было много – чистых и нечистых. Но все они работали скорее, нежели могли. Они работали скорее, нежели могут работать люди. Так, на кладке огнеупорного кирпича французские специалисты говорили: “Человек может положить в день полтонны”. Каменщик Щеголев выслушал переводчицу и ничего не сказал. Его бригада вышла на работу в шесть утра. Щеголевцы работали до ночи. Они не курили, чтобы не потерять ни минуты. Когда они сдали работу, на человека вышло по полторы тонны» [13].

Вместе с тем роман Эренбурга был обнаженно правдив. Отдавая дань официальной концепции ударного труда, он писал: «У людей были воля и отчаянье – они выдержали. Звери отступили. Лошади тяжело дышали, забираясь в прожорливую глину; они потели злым потом и падали. Десятник Скворцов привёз сюда легавого кобеля. Кобель тщетно нюхал землю. По ночам кобель выл от голода и от тоски… Люди не просыпались: они спали сном праведника и камней. Кобель скоро сдох. Крысы попытались пристроиться, но и крысы не выдержали суровой жизни. Только насекомые не изменили человеку. Они шли с ним и в тайгу. Густыми ордами двигались вши, бодро неслись блохи, ползли деловитые клопы. Таракан, догадавшись, что не найти ему здесь иного прокорма, начал кусать человека. В бараке № 28, как и в других бараках, люди выкидывали из тюфяков сено и забирались в полосатые мешки. Начесанные бока горели. Но люди не звери: они умели жить молча. Днём они рыли землю или клали кирпичи. Ночью они спали». И вот вывод писателя: «Несмотря на непомерные трудности, люди массово проявили качества труженика, терпеливого строителя в годы первых пятилеток, когда неимоверными усилиями были построены сотни и тысячи предприятий, ставших основой индустриальной мощи страны и создавших базу для сопротивления немецкому фашизму» [13].

Что касается работников сельского хозяйства, то до начала 1930-х годов в стране существовала огромная, в том числе скрытая, безработица, что явилось основой для осуществления стремительной промышленной революции (индустриализации). По убеждению некоторых исследователей, «перемены в крестьянской жизни начались, как правило, с 1929 г. (у некоторых раньше), которые «стали переломными в динамике сельского населения» [14].

На наш взгляд, формирование принципиально нового отношения к труду, поощряемого официальной политикой, вело к тому, что для большого количества работников, особенно молодежи, включение в трудовой процесс становилось не только стремлением обеспечить приемлемый уровень жизни, но и предметом гордости, осознания значимости своего Я, личностной убежденности в ценности своего труда.

Формирование отношения к труду как делу чести, доблести и геройства продолжилось *на новом этапе, который нередко называют стахановским.* Этому способствовал и поворот в официальной политике: первоначальный ключевой лозунг первых пятилеток «техника решает всё» начал сменяться на «кадры решают всё».

Его суть заключалась в том, что каждая отрасль народного хозяйства должна иметь свои ориентиры по росту производительности труда не только за счёт совершенствования организации труда, изменения технологии и применения новой техники, но и кардинального изменения отношения людей к процессу и результатам своего труда.

Напомню, как возникло это движение. В 1935 г. забойщик шахты «Центральная-Ирмино» (Донбасс) А.Г. Стаханов в ночь с 30 на 31 августа за смену (5 ч. 45 мин.) добыл 102 тонны угля при норме в 7 тонн, а впоследствии, 19 сентября – 227 тонн. Этот почин по значительному превышению норм выработки стал распространяться и пропагандироваться в других отраслях экономики. Люди были впечатлены такими достижениями и многие были настроены на такие же рекорды на своём рабочем месте, искренне желая и стремясь продемонстрировать свои личные профессиональные способности. Именно в эти годы произошло появление высоких достижений в каждой отрасли народного хозяйства. Так, Н.И. Сметанин достиг высоких показателей эффективности труда в обувной промышленности, машинист П.Ф. Кривонос – на железнодорожном транспорте, кузнец А.Х. Бусыгин – в машиностроении, трактористка П.Н. Ангелина – в сельском хозяйстве. В текстильной промышленности отличились ткачихи Е.В. и М.И. Виноградовы, одну из которых – Евдокию – в заграничной прессе и советской пропаганде называли «первой работницей Советской страны» и даже «Miss U.S.S.R.» (подробнее см. [15]).

Основными критериями популярности и включённости в стахановское движение служили не только воля и стремление тружеников производства к новым совершениям, но и изменения в организации труда, новое оборудование, но и политика поощрения. Государство всемерно стимулировало эти достижения. Этот почин был официально одобрен, получил мощную пропагандистскую поддержку. Стахановцы награждались денежными премиями, транспортными средствами, памятными поездками. В целом авторитет стахановцев был высок, хотя на ряде производств рабочие выражали недовольство по отношению к конкретным коллегам, потому что после их достижений шёл пересмотр норм выработки и, соответственно, увеличение интенсивности работы.

Нужно отметить и то, что руководители в своём большинстве на всех уровнях – от высших органов власти до низовой производственной ячейки – были ориентированы на поддержку такого рода инициатив, что служило дополнитель-

ным стимулом для активного участия в преобразовании и совершенствовании тех производственных процессов, в которые работники были вовлечены. У*спех и популярность стахановского движения во многом объясняется тем, что его рождение и распространение опирались на высокий народный авторитет роли и значения труда в жизни человека.*

Для стимулирования успешного и производительного труда осуществлялась политика предоставления *социальных благ* как в виде вознаграждения за трудовые достижения в зависимости от результатов работы, так и через общественные фонды потребления с учётом степени нуждаемости отдельных групп населения. Что касается оплаты труда, то в 1940 г., согласно официальной статистике, «зарплата в доходах рабочих семей в среднем составляла 71,3%, а выплаты и льготы из общественных фондов потребления – 14,5%. Доля последних имела тенденцию к возрастанию»[1]. Из этих фондов покрывались расходы на образование, здравоохранение, выплату пенсий, стипендий и пособий, иные социальные цели. Средства на пополнение фондов распределялись централизованно из бюджета государства, в который предприятия отчисляли всю прибыль. В результате большинство населения наглядно убеждалось, что труд и его достижения поддерживались, вознаграждались и всемерно поощрялись, что сопровождалось ростом их авторитета, признательности, официальной и общественной благодарности.

Причём различия в жизненных условиях рабочих, колхозников, интеллигенции, руководителей разного уровня были относительно невелики, хотя для некоторых категорий работников устанавливались привилегии.

В повышении значимости и исключительной ценности трудовых достижений, в росте производительности труда огромную, можно сказать, пионерную роль сыграло использование такой формы поощрения, как государственные награды. Так, Постановлением ЦИК СССР от 25 ноября 1935 г. был учрежден орден «Знак Почета» для награждения за высокие достижения в производстве, научно-исследовательской, государственной, социально-культурной, спортивной и иной общественно полезной деятельности, а также за проявления гражданской доблести. Им массово награждались за ударничество и стахановское новаторство.

Затем последовали и другие государственные поощрения за трудовые успехи: Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1938 г. было учреждено звание «Героя Социалистического Труда». В этом же году была введена медаль «За трудовое отличие», которая присуждалась людям, отличившимся упорным трудом и высокими показателями в работе.

Можно, на наш взгляд, утверждать, что именно в 1930-е годы сложилась иерархия в награждении и поощрении отличившихся в труде. Сначала заслуги передовиков отмечались на уровне коллектива, бригады, завода. Затем после получения благодарностей и грамот на своем производстве эти люди, становясь известными, последовательно отмечались на уровне района, области и республики, а затем награждались на уровне всей страны.

Эта политика поощрений имела большой эффект, хотя она сопровождалась различными поисками и вариациями, не всегда эффективными. Трудовые усилия вознаграждались не только оплатой труда, овладением профессией, поощрением рационализаторских предложений, но и созданием атмосферы величия и общественной значимости личного труда для всего общества (подробнее см. [16]).

Что касается крестьян, оставшихся на земле, то они переживали большие жизненные коллизии. Переход от единоличного хозяйства и простых форм кооперации вроде товарищества по совместной обработке земли к такой форме организации труда, как колхозы, предполагающей коллективную форму собственности на землю, на крупный рогатый скот и лошадей, на инвентарь, вызвал на первых порах неоднозначное отношение. Именно форсированный, командный, а не постепенный, убеждающий стиль привёл в начале коллективизации к обострению вплоть до восстаний. Эта ситуация заставила Сталина написать статью «Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения» (газета «Правда» от 2 марта 1930 года), смягчившая политику проведения коллективизация сельского хозяйства при исполнении постановления ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» от 5 января 1930 года, в котором содержалась программа форсированной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. В статье предлагалось устранить «*перегибы на местах*», которые объявлялись плодом самодеятельности излишне ретивых исполнителей, трактовавших таким образом «*генеральную линию партии*» на сплошную коллективизацию.

Серьёзным испытанием для крестьянства стал голод 1932–1933 годов, унесший миллионы жизней. Этот голод стал результатом сочетания нескольких факторов, среди которых главными были неурожай и политика хлебозаготовок.

[1] Отечественный опыт управления социальными процессами на уровне организаций // StudFiles: [сайт]. URL: studfile.net›preview/8968786/page:4/ (дата обращения: 05.03.2025).

В целом коллективизация была серьёзным испытанием общественного договора между советской властью и крестьянством, в котором появились значительные трещины – выросло число сомневающихся и даже отвергающих эти преобразования. Перед советской властью остро встал вопрос о поисках согласия в этих чрезвычайных обстоятельствах, тем более что они были усугублены огромными издержками и просчётами в работе с крестьянским населением.

Но несмотря на эти ошибки и искажения, в колхозах и совхозах постепенно налаживались новые формы организации труда, появлялись машины (тракторы, комбайны, сеялки и др.), которые позволили поднять производительность труда, повысить урожайность. Создание условий для культурного развития на селе – массовое строительство школ, библиотек, клубов – коренным образом меняло образ жизни сельских жителей. Можно сказать, что *наиболее успешные хозяйства обращались к опыту артельного ведения хозяйства,* которое показало свою эффективность на предшествующих этапах развития России.

Но главное – рождался новый тип трудовых отношений, который, несмотря ни на какие изъяны, привёл крестьян к убеждению к приемлемости этого вида производственных отношений. Этому в немалой степени способствовало то, что ещё были живы традиции общинности, а также имелся положительный опыт различных форм кооперации, апробированных в 1920-е годы, после получения крестьянами земли в личную собственность. В результате многие колхозы стали олицетворять особую форму артельного труда и жизнеустройства (этот термин – артель – вошёл и в официальную лексику).

Конечно, процесс преобразования деревни сопровождался существенными сдвигами в общественном сознании, в образе жизни. Мировоззрение миллионов крестьян, которые были вовлечены в эти преобразования, перестраивалось под влиянием объективно изменившихся обстоятельств. В силу непритязательности запросов в прежней сельской жизни вновь испеченные работники колхозов и совхозов терпеливо переносили ограничения в обеспечении самыми необходимыми товарами повседневного спроса, хотя в то же время происходил хотя и медленный процесс постепенного улучшения их жизни, включающий отмену продовольственных карточек, развертывание организаций сферы услуг, удовлетворяющих бытовые потребности людей.

Масштабные темпы экономических преобразований, зримые успехи по совершенствованию деятельности многих колхозов и совхозов при всех скудных гарантиях повседневной жизни вызывали не просто одобрение и поддержку. Небывалый психологический перелом у бывших молодых крестьян, ставших рабочими, вызывала невиданная ранее техника, возможность строительства нового образа жизни, уверенность в достижении своих надежд и понимание перспектив профессионального и социального роста.

Что касается изменения мировоззрения нового поколения бывших крестьян, ставших рабочими, то оно происходило интенсивно и не только в трудовой жизни, но и по отношению к учёбе, профессиональному росту, новым принципам построения быта. Типичной была такая ситуация: бывший крестьянин с сельской глубинки постепенно превращался в городского жителя, приобретал профессию и/или квалификацию, становился специалистом в той или иной отрасли производства. Некоторая часть из них совмещала работу на заводе с заочной/вечерней учёбой в техникуме или вузе. Нередко бывали и такие ситуации, когда сын раскулаченного становился партийным функционером, сын священника после окончания университета – научным работником, преподавателем. Немало выходцев из крестьянских семей шли в военные училища и становились офицерами.

Всё это позволяет сделать вывод, что *в процессе реализации политики индустриализации и коллективизации возник новый вариант согласия между «властью» и «народной массой», ковалась убеждённость в справедливости социалистических идей, готовность положительно оценивать происходящие перемены.* При этом существовала тесная взаимосвязь между обязанностью и даже принудительностью и добровольностью в процессе изменения человека и общества. И это служило основой того, что большинство могло с убеждённостью сказать: я не попутчик, я не представитель эксплуататорских классов, я не бывший единоличник – я советский человек. Всё это послужило основой, чтобы в середине 1930-х годов отказались от такого деления социальной структуры советского общества как существование представителей эксплуататорских классов, ранее поражённых и ограниченных в правах, среди которых было немало представителей научного мира и художественной интеллигенции (см. например, [17]). Их уравняли в правах со всеми группами советского общества, что нашло законодательное закрепление в Конституции СССР 1936 г.

Таким образом, такая черта, как *признание величия труда,* активно пестовалась государством и поддерживалась самими людьми, которые руко-

водствовались как материальными соображениями, так и альтруистическими и/или идейными целями. Их намерения были нацелены на достижение достойной жизни, что совпадало и с личными, и с общественными интересами.

Конечно, было немало и других мотивов, когда даже не примирившиеся с советской властью всё же подчинялись трудовому ритму и выполняли свои производственные обязанности.

Таким образом, именно в годы первых пятилеток произошли коренные изменения в сознании большинства рабочих и крестьян, хотя в их понимании нередко соседствовали различные противоречивые и даже конфликтные ориентации – от осознанного приятия предлагаемого образа жизни до пассивного, а иногда активного сопротивления. Об этом, в частности, говорит существование малой, но устойчивой группы единоличников.

Всё это позволяет сделать вывод, что произошло расширение полей жизненного выбора, в котором труд становился первостепенной как общественной, так и личной ценностью.

В целом же *в реальной жизни большинством была признана установка: от каждого по способностям, каждому – по труду.* Именно реализация этой установки обеспечила и гарантировала баланс интересов государства и его двух основных классов – рабочих и крестьян, что привело к основательному укреплению общественного договора и таких его компонентов, как согласие, доверие и поддержка, а также солидарность с официальной политикой советской власти.

Отметим и такой немаловажный факт. Установка и ориентация на ударный труд стали уделом не только производственных предприятий. Его влияние стало распространяться и на смежные стороны жизни людей и проявило себя, например, при сооружении архитектурных объектов («Дом со шпилем» в Комсомольске-на-Амуре; здание Дворца культуры профсоюзов в Сталинграде). Он нашел воплощение и в государственных наградах (медали «За трудовую доблесть», «За трудовое отличие»). Он использовался в массовой пропаганде при оформлении демонстраций, в художественном оформлении производственных и общественных мест, размещался на открытках, спичках, многих домашних изделиях. В изменённом виде лозунг присутствует в тексте «Марша энтузиастов» из кинофильма «Светлый путь» (музыка – И. Дунаевский, стихи – А. Д'Актиль): «Нам ли стоять на месте? / В своих дерзаниях всегда мы правы / Труд наш есть дело чести / Есть дело доблести и подвиг славы».

Отметим ещё одну особенность этого периода с точки зрения отношения к труду – ни одна профессия, ни один из многочисленных видов труда не противопоставлялись другим: все они оценивались как одинаково важные, необходимые и значимые. Они всемерно поддерживались как в материальном отношении, так и с точки зрения возвеличивания самого факта участия в социалистическом строительстве. А имеющиеся преимущества у некоторых видов выполняемой трудовой деятельности воспринимались в обществе с пониманием и не вызвали отторжения, а тем более чувства несправедливости.

Смысл труда в годы Великой Отечественной войны

Сформированное в годы первых пятилеток новое отношение к труду сыграло огромную роль в период Великой Отечественной войны, когда вся страна превратилась в военный лагерь и начала жить по законам военного времени.

Быстрое продвижение фашистских войск и захват экономически развитых западных регионов подрывало способность страны к успешной обороне от агрессии. Гитлеровской Германией было оккупировано 8,7% территории СССР, на которой проживало 44,5% населения Советского Союза и находилось 47% всех посевных площадей ([18, с. 36, 78]). На оккупированной территории располагалась 32000 предприятий (33% промышленного производства Советского Союза). До войны здесь добывалось 60% угля, выплавлялось 60% стали и алюминия [19, с. 55]. Поэтому, на начальном этапе войны необходимо было обеспечить эвакуацию населения и промышленных предприятий. Поэтому, уже 24 июня, через два дня после начала войны был организован Совет по эвакуации при СНК СССР (Государственный комитет обороны был образован 30 июня), который несмотря на неразбериху первых дней войны, достаточно успешно организовал и эвакуировал в восточные регионы страны большое количество предприятий и людей. За июль–ноябрь 1941 г. на восток страны было перебазировано 2593 промышленных предприятия, в том числе 1523 крупных, из них в районы Урала – 667, Поволжья – 226, Западной Сибири – 244, Восточной Сибири – 78, Казахстана и Средней Азии – 308. В трудных условиях проходила эвакуация населения, особенно из крупных городов. Из Москвы было вывезено 2 млн, из Ленинграда – 1,7 млн, из Киева – 350 тыс. жителей. В целом, с июня 1941 г. по февраль 1942 г. эвакуировано около 10,4 млн человек. Вторая волна эвакуации последовала летом

1942 г., в этот период было перевезено 150 крупных предприятий и эвакуировано около 8 млн человек [18, с. 256–257].

Самоотверженный труд, проявленный советскими людьми, привел к тому, что уже в первой половине 1942 г. большинство эвакуированных заводов и фабрик было введено в строй. Так, в 1942 г. валовая продукция всей промышленности на Урале по сравнению с 1940 г. увеличилась в 2,8 раза, а выпуск военной продукции – более чем в 5 раз. Резко возрос военно-экономический потенциал и других восточных районов. Так, в Западной Сибири валовая продукция промышленности возросла в 2,4 раза, военное производство – в 27 раз, в Поволжье – соответственно, в 2,5 раза и в 9 раз. Созданная за Уралом военная промышленность дала возможность обеспечить армию необходимым количеством оружия и военной техники уже с конца 1942 г. [18, с. 261].

Благодаря перестройке промышленности было многократно увеличено производство военной техники. В 1942 г. Советский Союз перегнал Германию по выпуску танков (в СССР их было произведено 24,4 тыс. в Германии – 9 тыс.), самолетов (в СССР – 21,7 тыс. в Германии – 15 тыс.) и такие вооружения как орудия всех видов и калибров, пулеметы различных модификаций [19, с. 56–57].

В результате мобилизации в Красную Армию и оккупации ряда районов страны среднегодовая численность рабочих и служащих в экономике сократилась в 1942 г. по сравнению с 1940 г. на 15,5 млн человек, или на 45,7% [18, с. 157]. Появилась большая нехватка рабочей силы. Для решения этой проблемы уже 30 июня 1941 г. был создан Комитет по распределению рабочей силы целью которого являлось «укрепить тыл Красной Армии, подчинив интересам фронта всю свою деятельность, обеспечить усиленную работу всех предприятий...» [21, с. 77]. В феврале 1942 г. при областных и городских комитетах депутатов трудящихся были учреждены Бюро по учёту и распределению рабочей силы. В их обязанность входила организация учёта неработающего населения, мобилизация трудоспособных, отраслевое и территориальное перераспределение рабочей силы в пользу оборонного комплекса. Комитет справился с поставленными перед ним задачами за счёт привлечения к труду практически всех слоев населения. Ушедших на фронт мужчин заменили пенсионеры, женщины и подростки. На авиационных заводах в сентябре 1942 г. женщины составили 36% общей численности рабочих, а в декабре – 40,5%, на предприятиях электроэнергетики в конце 1942 г. – 59%. Значительно возросла доля женщин в сельском хозяйстве: так, доля женщин-трактористок и комбайнеров в 1943 г. по сравнению с 1940 г. возросла с 8% до 54% [18, с. 160].

Подростков привлекали к работе с четырнадцати лет, но использовались дети и более младших возрастов, часть из них проходила подготовку в школах ФЗО. Среди рабочих и служащих промышленности лица моложе 18 лет составляли в 1939 г. 6%, а в 1942 г. уже 15%. На промышленные предприятия мобилизовали колхозников. В 1942 г. сельские жители среди мобилизованных на постоянную работу в город составили 22,9% [18, с. 161]. Вспомнили опыт Гражданской войны – воссоздали трудовые армии, а также ввели трудовую мобилизацию. Практически все слои населения, в моменты близости боевых сражений помимо основной работы копали траншеи, помогали ПВО, строили защитные сооружения. Прибегали к труду заключенных. Власть мобилизировало на работу всех, кто мог работать.

Вся страна превратилась в военный лагерь и начала жить «по законам военного времени». Были приняты указы о военном положении, трудовой мобилизации, об увеличении рабочего дня и отмены отпусков, об усилении контроля за трудовой дисциплиной. С самого начала войны рабочий день был продлён до 10, даже до 12 часов. Такого понятия, как отпуск или выходной, не существовало. И даже несмотря на такие нормы в стране получили развитие *новые формы общественно-трудовой активности.* В их числе: стахановская фронтовая вахта, движение женщин-производственниц за переход на «мужские» профессии. Родились и такие эффективные формы соревнования, как фронтовое комсомольско-молодежное движение, совмещение профессий, овладение новыми профессиями, соревнования кадровых рабочих в обучении новичков. Развернулось движение «двухсотников» и «трёхсотников», выполнявших по 2–3 нормы. Именно сверхнапряжение народа, по признанию английского экономиста М. Харрисона, сотворило в тылу «производственное чудо военного времени» [22].

Особо следует сказать о том, что оккупация европейской части страны, где находилось около половины всех посевных площадей, существенно снизил уровень обеспечения продовольствием армии и тыла. Так, производство зерна к 1942 г. упало более чем в три раза и до конца войны было в два раза меньше довоенного уровня

Вследствие этого рацион питания был существенно ограничен. Была введена карточная система, а также определены нормы выдачи продовольствия в зависимости от, во-первых, потери калорий во время трудовой деятельности, а во-вторых, от

востребованности тех или иных профессий работников для народного хозяйства. Но даже эти минимальные нормы зачастую не соблюдались или одни продукты заменялись на другие. Поэтому государство, чтобы обеспечить питание граждан, разрешило заводить личное подсобное хозяйство и продавать излишки продукции, а также иметь подсобные хозяйства предприятиям (ОРСы – отделы рабочего снабжения). Но все равно, несмотря на эти меры, голод и недостаток питания оставались острыми проблемами советского тыла.

Советские люди вносили свой вклад в победу не только трудом, но и «рублем». В годы ВОВ доходы государства, формируемые за счёт граждан, выросли в 2,5 раза. Наряду с введением военных налогов, использованием государственных займов и денежно-вещевых лотерей в фонд «Фонд Красной Армии и «Фонд восстановления хозяйства в освобожденных от оккупантов районах» вносились личные пожертвования. Они поступали в различных видах – наличными деньгами, драгоценностями, облигациями госзаймов, сельскохозяйственными продуктами, отчислениями от заработанной платы и др. В этом патриотическом движении участвовали все слои населения. Всего в виде добровольных взносов поступило за годы войны 94,5 млрд руб., 140,7 кг золота, 13 кг платины, 9,5 кг серебра, а также значительное количество драгоценных изделий, облигаций и иностранной валюты [20, с. 16].

Всё это позволяет сделать вывод, что сформированное в годы первых пятилеток отношение к труду как общественно и в то же время лично значимому в полной мере проявило себя, когда на первый план вышли задачи победы над таким опасным врагом как германский фашизм. Были использованы и даже приумножены усилия не только взрослого населения, но и молодёжи и подростков. Труженики тыла, в большинстве своем состоящих из людей старшего возраста, женщин и подростков, сумели в кратчайшие сроки, невзирая на голод, болезни, бытовые условия перестроить экономику и своим самоотверженным трудом способствовать победе. Этот подвиг не остался незамеченным. За годы войны звания «Герой социалистического труда» были удостоены 199 труженика тыла, 204 тыс. рабочих, колхозников и интеллигенции были награждены орденами и медалями [19, с. 57]. После войны была учреждена медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», которой были награждены 16 млн 96 тыс. 750 человек [18, с. 295]. Этим была признательность государства за те неимоверные усилия советских людей, которые они проявили в эти годы.

Во второй части статьи будет проанализировано отношение к труду в Советском Союзе во второй половине XX века и в условиях новой России в XXI веке. Основное внимание будет уделено изменению социальных характеристик труда и постепенной заменой культа труда культом потребления, что стало очевидным при переходе России к рыночной экономике. *(Продолжение следует)*

Список литературы

1. *Энгельс Ф.* Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Том 20. М.: Госполитиздат, 1961. С. 486–499.
2. *Ксенофонт.* Анабасис / пер. М.И. Максимовой; отв. ред. И.И. Толстой. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 299 с.
3. *Муравьева Л.А.* Финансово-экономическое развитие Древнего Рима // Международный бухгалтерский учет. 2013. № 17(263). С. 55-64. EDN PZSQUF
4. *Рыбаков Б.А.* Ремесло Древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1948. 792 с.
5. *Гаврилов Д.Е., Мокроносов А.Г.* Развитие ремесленной деятельности как социально-экономического явления. Екатеринбург: Рос. гос. проф.-пед. ун-т, 2014. 139 с. ISBN 978-5-8050-0541-2
6. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. 960 с.
7. *Аникин А.В.* Адам Смит. М.: Молодая гвардия, 1968. 256 с.
8. *Чангли И.И.* Труд. Социологические аспекты теории и методологии исследования. М.: Наука, 1973. 588 с.
9. *Маркс К.* Капитал. Том 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Том 23. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1960. С. 5–784.
10. Декреты Советской власти. Том 1. М.: Госполитиздат, 1957. 640 с.
11. *Сталин И.В.* Политический отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б), 27 июня 1930 г. // И.В. Сталин. Сочинения. Том 12. М.: Госполитиздат, 1949. 304 с.
12. *Тощенко Ж.Т.* Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации: [монография]. М.: ФНИСЦ РАН, 2025. 844 с. ISBN 978-5-00258-037-8 https://www.doi.org/10.19181/monogr.978-5-00258-037-8.2024 EDN LXHHUK
13. *Эренбург И.* День второй. М.: Художественная литература, 1964. 511 с.
14. *Зайончковская Ж.А.* Демографическая ситуация и расселение. М.: Наука, 1991. 132 с.

15. Россия в XX веке: Люди, идеи, власть / отв. ред. А.К. Соколов, В.М. Козьменко. М.: РОССПЭН, 2002. 240 с. ISBN 5-8243-0295-2
16. *Соколов А.К.* Советская политика в области мотивации и стимулирования труда (1917 – середина 1930-х годов) // Экономическая история. Обозрение. 2000. Выпуск 4. С. 39–80. EDN QXCTQO
17. *Воробьева И.В.* Ученые как субъект «общественного договора» в предвоенный период // Вестник РГГУ. Сер. Философия. Социология. Искусствоведение. 2024. № 3. С. 12–23. https://www.doi.org/10.28995/2073-6401-2024-3-12-23 EDN AZHPFD
18. Великая Отечественная война, 1941–1945: энциклопедия / гл. ред. М.М. Козлов. М.: Советская энциклопедия, 1985. 832 с.
19. *Черненко Е.Ф.* Экономическая политика СССР в годы второй мировой войны: внутренние и внешние аспекты // Вестник РУДН. Серия Международные отношения. 2005. № 1. С. 54–64. EDN MBHOYL
20. *Маркова А.Н.* Экономические факторы победы // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2010. № 7. С. 12–21. EDN NBJCLN
21. *Гончаров Г.А.* Трудовая политика советского государства в годы Великой Отечественной войны // Вестник ЧелГУ. 2001. № 1(12). С. 77–83. EDN WHQPGX
22. *Harrison M.* Industry and Economy // The Soviet Union at War, 1941–1945 / ed. D. Stone. England: Pen and Sword Books, 2010. P. 89-112. ISBN 978-1-84884-463-3

Информация об авторе:
Жан Терентьевич Тощенко – член-корреспондент РАН, научный руководитель социологического факультета, Российский государственный гуманитарный университет; главный научный сотрудник, Институт социологии – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН
(spin-код: 7025-0028) (РИНЦ AuthorID: 1382) (Researcher ID: R-4569-2016) (Scopus Author ID: 6507646287)
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 22.03.2025; одобрена после рецензирования 06.05.2025; принята к публикации 05.06.2025.

References

1. Engels F. The Role of Labor in the Process of Transforming the Ape into Man. In: Marx K., Engels F. Collected Works. 2nd ed. Vol. 20. Moscow: Gospolitizdat; 1961. P. 486–499. (In Russ.)
2. Xenophon. Anabasis. Trans. by M.I. Maksimova. Ed. by I.I. Tolstoy. Moscow-Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences; 1951. 299 p. (In Russ.)
3. Muravyeva L.A. Finansovo-Ehkonomicheskoe Razvitie Drevnego Rima // *Mezhdunarodnyj bukhgalterskij uchet=International Accounting*. 2013;(17(263)):55-64. (In Russ.)
4. Rybakov B.A. Remeslo Drevnei Rusi. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences; 1948. 792 p. (In Russ.)
5. Gavrilov D.E., Mokronosov A.G. Razvitie Remeslennoi Deyatel'nosti kak Sotsial'no-Ehkonomicheskogo Yavleniya. Yekaterinburg: Russian State University of Professional Pedagogy; 2014. 139 p. ISBN 978-5-8050-0541-2 (In Russ.)
6. Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. Moscow: Publishing House Eksmo; 2007. 960 p. (In Russ.)
7. Anikin A.V. *Adam Smith*. Moscow: Publishing House Molodaya Gvardiya; 1968. 256 p. (In Russ.)
8. Changli I.I. Trud. Sotsiologicheskie Aspekty Teorii i Metodologii Issledovaniya. Moscow: Publishing House Nauka; 1973. 588 p. (In Russ.)
9. Marx K. Capital. Vol. 1. In: Marx K, Engels F. Collected Works. Vol. 23. 2nd ed. Moscow: Publishing House Gospolitizdat; 1960. P. 5–784. (In Russ.)
10. Dekrety Sovetskoi Vlasti. Vol. 1. Moscow: Publishing House Gospolitizdat; 1957. 640 p. (In Russ.)
11. Stalin I.V. Politicheskii Otchet Tsentral'nogo Komiteta XVI s"ezdu VKP(b), 27 iyunya 1930 g. In: I.V. Stalin. Collected Works. Vol. 12. Moscow: Publishing House Gospolitizdat; 1949. 304 p. (In Russ.)
12. Toshenko Z.T. Sud'by Obshchestvennogo Dogovora v Rossii: Ehvolyutsiya Idei i Uroki Realizatsii. Monograph. Moscow: FCTAS RAS; 2025. 844 p. ISBN 978-5-00258-037-8 https://www.doi.org/10.19181/monogr.978-5-00258-037-8.2024 (In Russ.)
13. Erenburg I. *The Second Day*. Moscow: Publishing House Khudozhestvennaya Literatura; 1964. 511 p. (In Russ.)
14. Zayonchkovskaya Z.A. Demograficheskaya Situatsiya i Rasselenie. Moscow: Publishing House Nauka; 1991. 132 p. (In Russ.)
15. Sokolov A.K., Koz'menko V.M. (ex. eds.) Rossiya v XX Veke: Lyudi, Idei, Vlast'. Moscow: Publishing House ROSSPEN; 2002. 240 p. ISBN 5-8243-0295-2 (In Russ.)
16. Sokolov A.K. Sovetskaya Politika v Oblasti Motivatsii i Stimulirovaniya Truda (1917 – mid-1930s). *Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie=Economic History. Review.* 2000;4:39-80. (In Russ.)
17. Vorobyova I.V. Scientists as a Subjects of the «Social Contract» in the Pre-War Period // *Vestnik RGGU. Seriya Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie=Bulletin of RGGU. Series: Philosophy. Sociology. Arts Studies*. 2024;(3):12-23. https://www.doi.org/10.28995/2073-6401-2024-3-12-23. (In Russ.)
18. Kozlov M.M. (chief ed.) Velikaya Otechestvennaya Voina, 1941–1945. Encyclopedia. Moscow: Publishing House Soviet Encyclopedia; 1985. 832 p. (In Russ.)

19. Tchernenko E.F. Economic Policy of the USSR During the Great Patriotic War Period. Domestic and International Aspects. *Vestnik RUDN. Seriya Mezhdunarodnye otnosheniya=RUDN Bulletin*. Series: International Relations. 2005;(1):54-64. (In Russ.)
20. Markova A.N. Economic Factors of Victory // *Vestnik Akademii ekonomicheskoy bezopasnosti MVD Rossii=Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2010;(7):12-21. (In Russ.)
21. Goncharov G.A. Trudovaya Politika Sovetskogo Gosudarstva v Gody Velikoi Otechestvennoi Voiny. *Vestnik CheLGU=Bulletin* of *Chelyabinsk State University.* 2001;(1(12)):77-83. (In Russ.)
22. Harrison M. Industry and Economy. In: Stone D. (ed.) The Soviet Union at War, 1941–1945. England: Publishing House Pen and Sword Books; 2010. P. 89-112. ISBN 978-1-84884-463-3

Information about the author:
Zhan T. Toshchenko – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Sociology Department, Russian State Humanitarian University, Chief Researcher, Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
*(spin-code: 7025-0028) (*RSCI *Author ID: 1382) (ResearcherID: R-4569-2016) (Scopus Author ID: 6507646287)*
The author declares no conflict of interest.

The article was submitted 22.03.2025; approved after reviewing 06.05.2025; accepted for publication 05.06.2025.